

Знаменосцы мира и труда

Только что прошли перемойские торжества, полные народного ликования, озаренные шедшим восточным солнцем. Прекрасный был праздник, товарищи! Он еще раз показал всему миру, как огромна мощь нашей Родины, как сплочен народ вокруг любимого Сталина, как беззаветно преданы мы нашему великому и правому делу.

Есть у советских людей хорошая традиция — в праздничные дни мы оглядываемся на пройденный путь, осмысливаем все сделанное нами. Это помогает нам двигаться вперед.

Знакомясь с праздничными номерами газет, я прочитал статью «Ясный путь», написанную Петром Заломовым. Слово старого русского рабочего, ветерана революционной борьбы, глубоко взволновало меня. И мне хочется в ответ сказать свое слово — слово рабочего, которому вышло счастье жить и работать в социалистической Москве, в преддверье коммунизма.

В начале нашего столетия Петр Заломов был знаменосцем перемойской демонстрации сормовских рабочих. Сормовичи шли под красным знаменем, не страшась жандармских штыков, твердо веря, что наступит время, когда владыкой мира будет труд.

В середине века, на залитой солнцем Красной площади, в день Первого мая с чувством радости и гордости смотрел я на знамя, которое нес, открывая грандиозную демонстрацию трудящихся столицы, прославленный мастер завода «Калибр» — Николай Российский. Его сопровождали знатные люди Москвы. Среди них я увидел Александра Чутких, Федоса Шавлюгина, Лидию Коробельникову и других своих товарищей, простых тружеников. Из глубин рабочего класса подняты они на небывалую высоту большевистской партии, мудрым Сталиным.

Такова и моя судьба. Такова судьба миллионов граждан нашей страны, где свободный социалистический труд стал подлинным владыкой.

Когда вступили на площадь рабочие нашего завода, я с особым удовольствием приветствовал своих учеников — Александра Саратова и Валентина Балаева. В прошлом году эти молодые товарищи шагали в колонне демонстрантов как рядовые труженики. Ныне они проходили через Красную площадь как передовые люди завода, овладевшие методом скоростной обработки металлов, перевыполняющие норму во много раз.

А сколько таких, как они, прошло мимо мавзолея!

Растут люди — растет наша мощь, наше богатство, наше благосостояние. Минуло всего пять лет после окончания войны. Но за это время наша страна не только восстановила народное хозяйство, но и превзошла довоенный уровень экономики. Об этом не может мечтать ни одно буржуазное государство. А у нас в стране социализма, в стране большевиков, в стране, ведомой Сталиным, — это возможно!

Знамя труда, поднятое руками социалистической России, несет в себе знамя мира. Тот, кто строит, тот его работает на благо своего народа и всего человечества, тот всей душой стремится к миру, тот борется за мир.

Вот почему все труженики земли смотрят на нас — строителей коммунизма — с такой любовью и надеждой.

Я никогда не забуду, как в Будапеште, на комитете «Красный Чепель», в присутствии множества рабочих мне довелось продемонстрировать метод скоростной резки. Рискую обещать расклевывать стружкой, люди обступили меня, чтобы лучше разглядеть работу советского человека.

Мне радостно знать, что сейчас в Венгрии много скоростников. Мы врываемся там, где в братских странах — Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии — люди работают по методу товарища Борженича, шкатора Борженича, машиниста Панина и других советских рабочих — новаторов производства.

Я никогда не забуду встречу с итальянскими рабочими в Риме, Турине, Венеции, грандиозных митингов, многотысячных демонстраций. Я никогда не забуду сияющих глаз, крепких рукопожатий, слов горячей любви к Советскому Союзу, Сталину.

Перед моими глазами — надписи на старинных стенах Венеции, Рима и яркие плакаты, требующие мира.

Поджигатели войны, пытайтесь свалить с больной головы на здоровую, направляющие в Европу транспорты с оружием истребления, хищники, строящие аэродромы и базы, никого не обманут.

Мне хочется им сказать: — Не выйдет, господа!

Да, мы вооружаем наших друзей. Мы вооружаем их нашими знаниями, нашим трудовым опытом, нашей великой правдой. В Италии, куда прибывают все время корабли с американскими военными грузами, крестьяне восторженно приветствовали на днях прибытие советских тракторов. Вот почему слова «Сталин» и «мир» сливаются в сердцах миллионов воинов.

Вот почему рядом с нами на трибунах Красной площади в день Первого мая я видел посланцев со всех концов земли. С надеждой, с воодушевлением смотрели они на величавое торжество могучего и миролюбивого народа, плущего во главе человечества. Им выпало счастье видеть Сталина. В моей памяти навсегда сохранятся их лица, озаренные светом великой любви.

Когда товарищ Сталин поднялся на трибуну, в буре оваций, в гуле народного ликования звучали на многих языках приветственные возгласы наших гостей, славивших вождя народов, творца человеческого счастья.

В эти дни на улицах Москвы я видел плакат. На нем изображен лучший, талантливый поэт нашей советской эпохи — Владимир Маяковский и приведены его слова:

«Мы требуем мира, но если тронете...» Я вспоминаю эти слова, когда через Красную площадь двигались торжественным парадом наши Вооруженные Силы. Как грозное предупреждение поджигателям войны, проходили мимо мавзолея пехотинцы и моряки, артиллеристы и конники. Шли мощные танки, носившие имя «Николай Сталин». Шла артиллерия, не знающая равной в мире. В грозном строю проплыли четырехмоторные бомбардировщики. Стремглав пронеслись над площадью реактивные самолеты.

Защитники Родины всегда на страже! Им дана надлежащая инструкция, как следует встречать непрошенных гостей, посягающих на мир и безопасность. Как сказано в недавней ноте Министерства иностранных дел СССР правительству США, эта инструкция «давно уже существует и она не нуждается ни в каких изменениях».

Мы можем трудиться спокойно. На страже мира стоит наша могучая армия. Наша Родина, возглавляющая антиимпериалистический лагерь, сильна не только своей правотой, но и своей способностью обуздать любого поджигателя войны.

Дело, за которое боролась первая пролетарская революция России, торжествует на огромных пространствах земного шара.

Знамя, высоко поднятое русскими рабочими классом, — знамя свободы, труда, мира, народного счастья, — гордо реет над нашей страной.

Его несут вперед знаменосцы, выращенные Лениным и Сталиным. На Красной площади было много детей. Шли юные пионеры, чеканили шаг суроворцы и нахимовцы. Немало ребят было на трибунах с родителями. Был и со мной мой сынчик.

Мальчик и девочка выдвинулись из колонны пионеров, поднялись на трибуну мавзолея и вручили товарищу Сталину и товарищу Молотову букеты цветов. Это был один из самых волнующих моментов праздника.

Мы работаем и отстаиваем мир, чтобы ни нам, ни нашим детям ничто не помешало двигаться вперед, к коммунизму. Пусть счастливо растут продолжатели нашего дела, знаменосцы будущего.

Вот какими мыслями хотелось мне поделиться с товарищами. Вот о чем хотелось мне написать сейчас, когда прошел прекрасный перемойский праздник и снова ялут радостные будни труда и борьбы, приближающие полное торжество великого дела Ленина — Сталина.

Павел БЫКОВ, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Сталинской премии, токарь завода шлифовальных станков.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 36 (2627)

Четверг, 4 мая 1950 г.

Цена 40 коп.

5 мая — День большевистской печати

В. И. Ленин, И. В. Сталин и В. М. Молотов в редакции газеты «Правда» (1917 г.).

Рис. П. ВАСИЛЬЕВА

К. СИМОНОВ

СИЛА ПРАВДЫ

Тридцать восемь лет назад, 5 мая 1912 года, в Петербурге вышел первый номер большевистской «Правды». В первой статье этого первого номера, подготовленного под руководством товарища Сталина, было сказано:

«Рабочему классу нужно знать правду! Рабочая газета «Правда» должна отвечать своему названию; этим она выполнит свое назначение».

Прошло тридцать восемь лет. Сотни и тысячи газет, начиная от центральных и кончая заводскими многотражками, выходят в нашей свободной стране. Гордое название центрального органа великой партии большевиков — «Правда» является в то же время лозунгом, под которым борется вся наша советская печать. На ее страницах печатаются слова правды, и только правды. Наши газеты несут со своих страниц народу эту правду — правду большевика, правду страны, победоносно строящей коммунизм, страны, которая служит вдохновляющим и обкурающим примером для трудящихся всего мира.

Говорить народу правду, всегда правду, только правду — священный принцип нашей советской печати на всем историческом пути ее существования.

А говорить правду — это значит говорить ее в дни побед и в дни испытаний. Говорить правду — это значит во имя интересов народа критиковать, не щадя на лица.

Говорить правду — это значит иметь мужество честно «на глаза» у народа признавать и исправлять свои ошибки. Этому учит нас товарищ Сталин, этому учит нас священный закон каждого советского журналиста — традиции большевистской печати.

В дни гражданской войны, в дни похода четырнадцатки держав против молодой Советской республики печать нашей Родины, выражая непоколебимую уверенность в грядущей победе, мобилизуя трудящихся на завоевание этой победы, в то же время в самые тяжелые минуты, — и тогда, когда Юденич был под Петроградом, и тогда, когда Кючак был на Волге, и тогда, когда Ленин шел в Москву, — никогда не скрывала от народа истинных размеров опасности. Наша печать, руководимая партией, смотрела правде, смотрела опасности в глаза и именно поэтому была грозным оружием в борьбе со всеми и всякими опасностями.

В эпоху великого перехода в деревню, в годы сталинских пятилеток наша печать, поднимая миллионы на борьбу за построение социализма, на глазах у всего мира обустраивалась с беспощадной и мужественной критикой на все, что нам ме-

шало. И как бы ни были велики препятствия, наша печать смело называла их своими именами, называла для них, чтобы решительнее и быстрее смести их с нашего победоносного пути.

В годы Великой Отечественной войны со страниц наших газет на весь мир звучали скрупулезные и мужественные слова вождя Советского информбюро. Спокойные в дни самой грозной опасности и сдержанные в дни самых больших побед, эти слова всегда были правдой — правдой, которая приводила в трепет наших врагов, правдой, которая являлась выражением существа характера советских людей, воспитанных партией, воспитанных Сталиным.

В течение пяти послевоенных лет не стало такого уголка земного шара, до которого, так или иначе, сквозь все преграды не дошел бы правдивый, человеческий, бескомпромиссный голос советской печати.

Война, победы в которой, мы спасли человечество, принесли нам несказанное разорение. Мы знали, что в стране империализма у нас достаточно врагов, которые будут разоваться, услышав из наших собственных уст подтверждение того, что тысячи наших городов разрушены и десятки тысяч деревень сожжены. Мы знали это, но наша печать публиковала правдивые цифры, говорившие о том, как много нам нужно восстанавливать. Наша печать не боялась сказать эту правду перед всем миром, потому что она рядом публиковала великий сталинский план послевоенных работ, потому что она вместе с народом знала, что все разрушенное будет восстановлено и все потерянное — возвращено и превзойдено.

Наши враги сначала злобно перепечевывали цифры наших тяжелых потерь, а потом трусливо умалчивали о цифрах выполнения и перевыполнения наших великих планов. Они делали это потому, что боялись нашей правды — правды сильных, правды общества, сильного своей боевой закалкой в битвах прошлого, сильной своей повседневной борьбой за настоящее, сильного своей верой в творческое собственными руками будущее, сильного своими скромными «винтикками», сильного необычайным единством, которое рождает в людях общую борьбу за коммунизм.

В последние годы, когда реакционные газеты всего мира изо дня в день выходя наполненные истерическими призывами к новой войне и гипнотическими вываживаниями о ее мнимой неизбежности, — наша советская печать по своей великой традиции говорит правду, бесконечно нуж-

ную всем честным людям мира. Она говорит правду об опасности, которую представляют собой поджигатели войны, — ибо опасность велика. И она говорит правду о великой силе друзей мира, — ибо эта сила все-таки могущественнее силы врагов мира!

Эта так. И тому первой порукой она самого Советского Союза — великого гаваря борцов за мир во всем мире!

Эта сила многогранна, и одной из важных ее граней является сила правдивой советской печати, которая никогда, ни при каких обстоятельствах не изменяет большевистской традиции — говорить правду.

И когда наши враги, мелкотравчатые политики, единственными выходящими качеством которых являются выходящие разрозненные аппетиты, с крохоборским злодариством мелких клеветников пытаются цепляться за любой факт, приведенный в нашей правдивой печати и указывающий на те или иные наши недостатки, то нам невольно приходит на память обращение к Алексею Максимовичу Горькому слова товарища Сталина:

«...Мы не можем без самокритики. Никак не можем, Алексей Максимович. Без нее неминуемы застой, загнивание аппарата, рост бюрократизма, паденье творческого почина рабочего класса. Конечно, самокритика дает материал врагам. В этом Вы совершенно правы. Но она же дает материал (и толчок) для нашего продвижения вперед, для развивающейся строительной энергии трудящихся, для развития соревнования, для ударных бригад и т. п. Оправдательная сторона покрывается и превращается положительной».

В этих словах наша великая правда и наша великая сила — сила правды. Сила правды, которая находит себе достойное место только в нашем передовом, открывшем путь всему человечеству, обществе, только в нашей передовой, говорящей от имени этого общества советской печати.

Могучая правда об успехах строительства коммунизма, о величии советской демократии, о мужестве и стойкости советских людей на весь мир звучит со страниц нашей печати, воодушевляя трудящихся всего мира, которые вылит в Советском Союзе счастливый прообраз собственного будущего.

Хочется сегодня на страницах нашей газеты — одной из тысяч советских газет — привет большевистской «Правды», чья тридцать восьмая годовщина является традиционным праздником всей советской печати, печати, которая сражается за коммунизм силой своего правдивого слова.

Мы выиграем битву за мир!

ДРУЗЬЯ МИРА В АНГЛИИ

Английский народ не хочет войны и готов отстоять дело мира.

О том, какой необычайной популярностью пользуется идея мира среди всех слоев английского населения, я мог судить по весьма убедительным фактам, относящимся к периоду пребывания в Англии советской студенческой делегации.

Вместе с участниками этой делегации я совершил поездку по различным городам страны и всюду видел, как появлению представителей СССР — великого оплота мира и демократии — вызвало всеобщую радость и подлинный интерес.

Буквально на каждом митинге, проходившем с участием советских студентов, выступали с пламенными речами в защиту мира представители английской молодежи. Они заявляли, что никогда не будут воювать против Советского Союза, и все участники митинга встречали эти слова возгласами одобрения и бурными аплодисментами.

Как сегодня проходит борьба за мир в Англии? Какие формы она носит в настоящее время? У нас повсеместно развернулась кампания сбора подписей под воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, принятым на сессии в Стокгольме.

Действенное участие в этой кампании принимает прогрессивная молодежь. Сбор подписей производится повсюду: на улицах и площадях, в парках и больших магазинах и т. д.

Не боясь преследований полиции, друзья мира, занимающиеся сбором подписей, совершают систематические обходы городских кварталов. Перед собой они катят тележки, украшенные плакатами, которые призывают к борьбе за мир. На тележках большие тетради в переплетках: в них вносятся свои подписи все люди доброй воли, считающие, что на земле не должно быть места войне и что атомное оружие должно быть объявлено вне закона. Сборщики подписей совершают также обходы частных домов и кварталов, жители которых охотно подписываются под воззванием Постоянного комитета. Простые люди Англии — будь то докер или строительный рабочий, металлист или домашний хозяйка, студент или работник городского транспорта — с воодушевлением присоединяются к призыву Стокгольмской сессии борцов за мир.

Несмотря на то, что кампания сбора подписей, по существу говоря, началась совсем недавно, можно с уверенностью сказать: она проходит очень успешно. В одном только Лондоне мы рассчитываем в самое ближайшее время собрать миллион подписей.

Томас МАДДЕН, студент Оксфордского университета

ПЕРВОМАЙСКИЕ ЗНАМЕНА ЧЕХОСЛОВАКИИ

Никогда я даже не мечтал о таком счастье, чтобы побывать на праздновании 1 Мая в Москве. Я узнал об этом в день своего рождения. Рабочие наших заводов сделали мне самый лучший подарок, какой только можно придумать, выбрав меня своим делегатом на майские торжества в Советский Союз.

И вот я в Москве. Вспоминаются годы, когда мы ходили на перемойские демонстрации и требовали: «Дайте нам работу! Не хотим нищенствовать, хотим работать!» Мы несли плакаты: «Всю власть — рабочему классу!»

Полдешнее вырывали плакаты из наших рук, стремились отнять наше знамя. Но знамя мы защищали собственными телами. Нас преследовали, выгоняли с работы, арестовывали. Буржуазные газеты каждый год отплевывали жалкое компартию.

Но с каждой весной мы чувствовали себя все увереннее, сильнее, у нас появлялось все больше надежд.

Славная сталинская армия освободила мою страну. Да, этого светлого дня не забыть никогда. В ту весну старые люди помолодели, а молодые впервые почувствовали, что они сильны и веселы.

Весь если бы не победа Советского Союза, я не мог бы говорить сегодня о празднике освобожденного труда, который сделал меня счастливым.

Чехословацкие трудящиеся вышли в этом году на перемойскую демонстрацию с лозунгами: «За мир, за родную, за социализм!»

Я часто думаю о том, как хороша жизнь и как много можно в жизни сделать. Когда работаешь для своего народа, когда каждая година выплавленной тобой стальной укрепляет дело мира, защищает жизнь твоих детей, — работаешь с душой, с огромнейшим желанием.

В прошлом году я прочитал книгу Бориса Пастернака «Вернувшись». Я читал ее семь раз подряд. Меня так заинтересовала судьба советского сталеваара Шаттлера Казымова, что я с книгой почти не расставаюсь. Я хотел как можно подробнее ознакомиться с методами скоростной правки советских сталевааров. Через несколько дней у меня в руках была советская брошюра «Слово мастеров». И я проделал несколько опытов. Восьмого марта этого года я поставил рекорд — сварил плавку не за 8 часов 16 минут, как это предусмотрено по плану, а за 5 часов 25 минут.

Но я не успокоился на этом. По призыву Казымова, героя повести «Вернувшись», я передал свой опыт другим. Сейчас у меня восемь учеников. За короткое время рабочие нашего Витковичского завода, мои товарищи, шесть раз перекрывали мой рекорд. Теперь рекорд держит Франтишек Вольны. Он сделал плавку за 4 часа 5 минут. Я радовался каждому новому достижению. Ведь сталь — это сила нашей пятилетки. Сталь нужна народу для социалистического строительства, нужна для укрепления мира.

Все рабочие нашего завода подписались обращении Стокгольмской сессии Постоянного комитета сторонников мира. Они подписывали его тут же, на заводе, и с еще большей энергией принимались за работу. Поджигателям войны мы отвечаем давнойой сталью.

Ярослав КОВАРЖИХ, ударник Витковичского металлургического завода

РОДНОМУ ГОСУДАРСТВУ

Советские люди — хозяева своей страны.

«Хозяин» — слово давнее. Но теперь значение у него стало совершенно иным, чем, скажем, лет тридцать пять назад.

Страншим — маленьким, чуждым и своеобразным — был тесный хозяйский мирок. Его девизом было:

— Не заглядывай. Не трогай: мое!

Социалистическое общество наполнило слово «мое» новым содержанием: оно неразрывно связано с большим и широким понятием: «наше». Для человека великой сталинской эпохи коммунистического создания естественной стала забота об общем деле, которая приносит богатство и блага для каждого. И только эта забота дает каждому такую полную творческую вдохновения, такое счастье удовлетворения планами своего труда, такое полнокровие жизни, какого никогда не испытывал человек в уродливом, разобщенном враждой, прогнившем капиталистическом обществе.

Хозяйское чувство советского человека говорит: «Вся необъятная советская земля — моя земля, ожидающая моего труда, мой мой заботы».

Дума советских людей о кровном и общем деле претворяется в жизнь многообразно. Одно из благородных проявлений этой заботы — займы, которые весь наш народ предоставляет своему государству для укрепления и развития народного хозяйства, для умножения мощи великой советской державы.

Каждый гражданин нашей социалистической Родины убежден, неоднократно: рубль, данный займа государству, возвращается сторицей. Открываются ли перед ним двери новой квартиры, принимается ли поток пассажиров только что постро-

енная станция метрополитена, загорается ли электрический свет на колхозной улице, рождается ли новая машина, облегчающая труд и умножающая изобилие, — все это проявления мощи советского государства, укрепляемого усилиями самих трудящихся.

С невиданной быстротой залечила наша страна раны, нанесенные ей самой разрушительной войной из всех, какие знала история человечества. Займы, предоставленные государству трудящимися, немало способствовали этому.

Заем родному своему государству — это единая, могучая воля коллективного хозяина нашей земли, многомиллионного советского народа.

Так же, как и в шедшем, самоотверженном всеобщем труде, отражается в этом всеобщем волеизъявлении хозяйская забота о процветании Родины, а значит, и о своем собственном счастье.

Для насречу пожеланиям масс, Советское правительство приняло решение о выпуске Пятого займа восстановления и развития народного хозяйства.

Первые вести из всех городов и сел нашей Родины говорят о том, что подписка на новый государственный заем проходит в обстановке всеобщего подъема. Вместе с рабочими и колхозниками советская интеллигенция, работники советской науки, литературы, искусства воодушевлены единым стремлением облегчить и ускорить выполнение грандиозных народнохозяйственных планов, отдавая часть своего заработка займы родному государству. Подписка на заем вновь выливается в эти дни в могучую демонстрацию советского патриотизма, всенародной любви и преданности советскому правительству, великой партии большевиков, родному и любимому Сталину.

Выставка книг, графики и плаката ко Дню печати

Завтра, в День большевистской печати, в залах Академии художеств СССР откроется большая выставка книг, графики и плаката. Она занимает четыре этажа залов. Все союзные республике принимают в ней участие. Крупнейшие издательства страны покажут образцы своей работы за последние полтора года. Выставка, организуемая Главполиграфиздатом, является не только творческим отчетом мастеров советской полиграфии, но и демонстрацией невиданного роста книжных изданий. Сегодня в нашей стране выпускается в два с половиной раза больше книг, чем до войны. По количеству изданий СССР занимает первое место в мире.

Если сравнить некоторые показатели нынешней выставки с предыдущей, прошедшей четыре года назад, то прежде всего бросится в глаза гигантский рост тиражей. Партийно-пропагандистская и агитационно-массовая литература была издана в 1945 году в количестве, превышающем 117 миллионов экземпляров, сегодня ее тираж — более 132 миллионов экземпляров. Выпуск художественной литературы возрос с 39,6 миллиона до 138,3 миллиона экземпляров. Только по естественному и физико-математическим наукам в 1949 году вышло в пять раз больше книг, чем в 1945 году.

В этом году на выставке представлены 42 центральных и 36 республиканских и областных издательства — почти вдвое больше, чем четыре года назад. Диаграмма изданий литературы на языках народов СССР рассказывает, что сделано за годы советской власти для развития нашей многонациональной литературы. Сравнительные цифры тиражей 1913 и 1949 годов свидетельствуют о том, что выпуск книг в РСФСР возрос с 70,6 миллиона экземпляров до 494,8 миллиона, в Украине — с 400.000 до 60 миллионов, в Узбекистане — со 100.000 до 11 миллионов, в Казахстане — с 1000 до 5,8 миллиона! В Молдавии, Киргизии, Туркмении, Таджикистане литература на родном языке вовсе не издавалась. А сегодня на стенах этих республик мы видим издания лучших произведений национальных классиков и переводы книг братских литератур.

В этих залах, что ни стенд, то подтверждение сталинской дружбы народов. Рядом с украинской антологией и сочинениями Тараса Шевченко — поэмы Ниэми и Адама Мицкевича в украинских переводах. В витринах Грузии творения Шота Руставели и Александра Казбеги соседствуют с переводческими на грузинский язык стихами Пушкина и Маяковского... Специальный зал посвящен детской книге. Ее тираж только за последние пять лет достиг двухсот миллионов экземпляров.

В № 23 «Литературной газеты» от 3 апреля с. г. была опубликована статья проф. В. Колбановского «Волнующий вопрос», в которой говорилось о необходимости широкого обсуждения деятельности и деятельности действующих в настоящее время двух систем школьного обучения — совместного (для обоих полов) и раздельного.

МЫ — ВСЕГДА ВМЕСТЕ!

Мы пишем по поручению собрания педагогов и бывших учеников московской школы № 32 имени Лепешинского.

В годы войны наша школа прервала свое существование. Преподаватели и ученики перешли в другие школы Москвы. С тех пор прошло 9 лет. И вот каждый год, в один из дней второй декады апреля, в бывшем здании школы собираются люди самых различных профессий. В этом году нас собралось около 350 человек. Среди нас — инженеры и кадровые офицеры, научные работники и музыканты, педагоги, врачи и журналисты.

Что же приводит нас всех сюда? Что заставляет присылать приветственные письма и телеграммы со всех концов страны, если мы не можем быть на собрании?

Всех нас приводит в школу большая дружба, возникшая между учениками и преподавателями, глубокая вера в товарищей, в коллектив, объединенный беззаветной любовью в своей Родине.

Нас глубоко волнует поднятый на страницах нашей газеты вопрос о том, каким — совместным или раздельным — должно быть обучение в советской школе? На этот вопрос хорошо ответил окончивший нашу школу молодой детский писатель Оскар Хавкин своею повестью «Всегда вместе». И на статью проф. Колбановского «Волнующий вопрос», нашедшую у нас горячий отклик, мы отвечаем также:

— Мы всегда вместе.

Выступавшие на вчерашней встрече педагоги, родители и воспитанники школы говорили о преимуществах совместного обучения. Среди нас были и родители, дети которых уже учатся в школах. Они рассказывали, как, наблюдая за учением своих детей и радуясь их успехам, они в то же время ясно видят серьезные проблемы в воспитании своих детей. Мишвер Екатерина Светлова рассказала, что ее дочь Наташа, ученица 4-го класса, с горячим интересом и воодушевлением рассказывает о школьных годах своей матери, о пионерских и комсомольских делах, о большой сохраненной и поныне дружбе со школьными товарищами. Об этом же говорили Татьяна Руднева, Михаил Альперович и другие.

Они убедительно, на примерах, показывали, что вместо наших товарищеских отношений, которые нас — мужчин и женщин, ужившихся вместе в школе, — связывают до сих пор, в школах раздельного обучения нередки случаи мещанского отношения к дружбе мальчиков и девочек.

Советская школа воспитывает нового человека. С малых лет советский школьник сразу вступает в коллектив. Воспитание ведется так, что уже через некоторое время ребенок, привыкший к своему коллективу, всегда действующий вместе с ним, не может представить себе какие-либо действия или какую-либо жизнь вне этого коллектива. А где окончивший школу подросток найдет коллектив, состоящий только из мужчин или только из женщин?

При совместном обучении дети не испытывают столь характерного для юношеского возраста «отчуждения полов», ибо с детских лет они привыкают смотреть на других девочек и мальчиков, как на своих товарищей, органически с ними связанных.

На нашем собрании выступали и преподаватели. Они вспоминали, как интересно, содержательно и оживленно проходили

уроки в школе имени Лепешинского. Перед ними были дружный, сплоченный коллектив мальчиков и девочек. На наших вечерах, диспутах, постановках, литературных выставках и собраниях чувствовалась творческая изобретательность, богатство восприятия и живой обмен мыслями.

Мы глубоко убеждены, что школа совместного обучения дает советской стране разносторонне развитого и мужественного гражданина советской Родины.

По поручению собрания преподаватели и ученики школы имени Лепешинского:

А. ГРЕЧИШНИКОВА, доцент, кандидат педагогических наук; А. ПЕРЫШКИН, член-корреспондент Академии педагогических наук; А. ЯНКОВСКАЯ-БАЙДИНА, заслуженная учительница школы РСФСР; Г. ЧАУС, преподаватель; Е. СВЕТЛОВА, инженер; И. ЦВЕТКОВА, студентка педагогического института; С. ШИЛОВСКИЙ, журналист; Н. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ, врач.

ОТКУДА БЕРУТСЯ «БИФУРКАТОРЫ»

Я — не специалист по педагогике и школьной практике, не родитель. Но я комсомолка и считаю своим долгом откликнуться на статью проф. Колбановского «Волнующий вопрос». Меня этот вопрос волнует с того времени, когда в наших школах введено раздельное обучение.

До восьмого класса я училась вместе с мальчиками. О достоинствах или недостатках совместного обучения могу судить на основании своего опыта.

Как складывались наши отношения с мальчиками? В пятом и шестом классах, не знаю почему, между нами были частые ссоры. В седьмом классе словно произошло переформирование. Стали возникать и расти хорошие, настоящие дружба, уважение друг к другу. Нам объединило совместное творческое стремление к общей цели.

Сейчас отношения мальчиков и девочек складываются на какой-то иной основе.

В восьмом классе училась моя сестра. С мальчиками она встречается на вечерах в школе и дома. Судит о мальчишках она, в основном, по тому, насколько хорошо они танцуют. Ее интерес к учению того или иного мальчика не идет дальше общих вопросов об итогах учебного года.

При раздельном обучении в школах начали обозначаться мужской и женский профили. Откуда возникло мнение, что девочки хуже мальчиков разбираются в математике, физике, химии?

В нашем классе в 43-й московской школе все девочки вполне справлялись с повышенными требованиями нашего преподавателя математики П. А. Ларичева.

Мальчики лучше разбираются в технике, чем девочки. Еще бы! Только лишь ребенок начинает что-нибудь понимать, ему покупают игрушки: мальчику — автомашину и конструктор, девочке — куклы и детскую кухонную посуду.

За годы раздельного обучения в женских школах значительно снизился уровень преподавания математики и физики. В нашем институте и не встретилась бы одна девушка, которая не была бы черчением, как чего-то совершенно непродолимого. Я не слышала ни от одной девушки, что в ее школе черчение было бы поставлено мало-мальски прилично.

Мне кажется, что при решении большинства вопросов о совместном и раздельном обучении нужно прислушаться к нашему голосу, голосу бывших учеников совместной школы, которые сейчас стали взрослыми людьми и имеют жизненный опыт.

Людмила ЧЕРНОУБОВСКАЯ, студентка IV курса Московского инженерно-строительного института им. Куйбышева

Борис АГАПОВ

МАРК III, КАЛЬКУЛЯТОР

Бурлит и пенится интеллектуальная жизнь Соединенных Штатов Америки. Успешно продвигаются вперед по ряду — едва успевают. Диапазон самый огромный. Конечно, такие сенсации, как сообщение о взрыве на Марсе, что заманчиво собором начало межпланетного шпионажа марсиан, придумывать нетрудно; однако нужны сенсации побойчее и, главное, в более серьезной упаковке, рассчитанные на солидных читателей. Что из этого, что десятки коммюнистических выдумок бормотание 104-летней пиццаны, которая должна сообщить современникам лгуные предания о некоем Джонниеро Серра, жившем в Калифорнии в начале позолотенного века? Пусть этот тип действительно жил в каком-то там веке, и пусть 30.000 страниц свидетельских показаний, увезенных в Ватикан, неопровержимо доказывают, что он был святой... что из этого? Подобные вещи лишены фундаментальности, это кратковременные сенсации, они не могут поднять воображение серьезных людей и вызвать у них деловую активность. Серьезным людям следует предлагать прежде всего научность. Конечно, в итоге «научность» должна быть такой, чтобы она вела к патриотизму, однако не прямым путем, но так, чтобы люди не замечали, как их обманывают. Неплохо поэтому научность соединять с информацией.

Американские деловые круги любят информацию, как американские большие любят патентованные пиццаны. Оригинальная упаковка лекторов и авторитетность статистических таблиц обещают исследованию — одним от податки и запора, другим — от напивающегося кризиса. Какой-то философ сказал: «Дайте мне все причины, и я укажу вам все следствия». Поэтому — как можно больше сведений! Как можно больше цифр, диаграмм, кривых, индексов, коэффициентов! Пусть они поступают каждый день, каждый час, а если можно, то и чаще.

Множество талантливых и умных людей, не имеющих за душой ничего, кроме знаний и хороших мозгов, продают и то и другое всевозможным агентствам, институтам, заведениям и неустанно трудятся над составлением неисчислимого количества чисел согласно несусветному количеству требований. Они должны не только собирать сведения, но и классифицировать их, но не только получать цифры, но и обрабатывать их. Волшебная метла о мозговом тресте, о высокообъемном советчике, который все знает и все может предусмотреть!

Однако никакой метлы не может вместить всех индексов, всех мозгов, всех возможных классификаций. И вот на свет рождаются машины, назначение которых состоит в том, что они должны мыслить лучше, чем люди.

Когда-то Форд установил у себя на заводе счетный пех. Это было учреждение, не претендующее ни на что, кроме точности до одного пента: автоматический бухгалтер, отвечающий в любой момент на любой вопрос о приходах и расходах. Тогда это выглядело новинкой, но, по существу, было примитивным усовершенствованием.

Теперь перед автоматикой ставятся задачи гораздо более сложные. — Дайте мне все причины, и я укажу вам все следствия! Профессор Айкен, заведующий Гарвардской лабораторией счетных приборов, именно так и понимает будущее своих механизмов. «Экономическое благополучие США», — утверждает он, — зависит от взаимосвязи и взаимодействия тридцати восьми отраслей промышленности. Однако это взаимодействие происходит такими сложными путями, что в настоящее время экономисты могут лишь строить догадки о том, что произойдет через несколько месяцев — «бум» или «депрессия». Вот тут, согласно профессору, и вступают в действие машины. Они должны обладать способностью производить молниеносно и через короткое промежуток времени четкое вразумление экономическое положение Соединенных Штатов.

РАЗДЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ НЕОБХОДИМО

Раздельное обучение возникло у нас в дни Великой Отечественной войны. Оно было введено из глубочайших патристических побуждений, которые остаются в силе и сейчас.

Воспитание и обучение советского юношества в мужских школах должны иметь свою специфику. Юноша должен быть по-особому дисциплинированным, подтянутым, ловким, выносливым. Он должен быть хорошим подчиненным и отличным руководителем.

Именно проф. Колбановский всерьез думает, что до восемнадцатилетнего возраста ничего этого юноша не должен знать?

Нет. Это будет грубейшей ошибкой. Безусловно верно, что критерием истины является практика. Но ведь практику нужно уметь видеть, анализировать.

Возьмем ряд школ г. Ростова-на-Дону. Вот, например, 22-я средняя женская школа. У этой школы несомненные успехи в учебной и воспитательной работе. Девочки здесь не ощущают отсутствия «содерживающих» и «облагораживающих» влияний. Та же картина наблюдается в 1-й, 5-й, 45-й школах.

Наша 32-я мужская средняя школа работает на основе педагогических идей А. С. Макаренки. Здесь строгий порядок. Разумная, полезная субординация. Правильный тон. Последовательные, без всяких смягчений требования к учащимся. Хорошая дисциплина. Во внеклассной и внешкольной работе много внимания уделяется физкультурным мероприятиям. По такому же пути идут 43-я, 49-я, 75-я, 78-я и многие другие мужские школы.

Некоторые трудности, которые возникают при раздельном обучении, безусловно, преодолимы. Да ведь есть подобные трудности и в школах совместного обучения. Проф. Колбановский в своей статье ничего не советует школам на этот счет.

Возражал тов. Развиной, тов. Колбановский упустил огромную важность вопроса — вопрос о счастливых советских материнствах.

Воспитание будущей матери нужно самой семье, нужно ради правильного семейного воспитания детей, ради хорошей старости самих родителей. Почему мы не готовим девочек к этому? Из всего этого вывод может быть только один: раздельное обучение есть явление в педагогике естественное, положительное, а на данном историческом этапе — просто необходимое, государственное значение.

В. ТЯПКИН, директор 32-й средней мужской школы РОСТОВ-НА-ДОНУ

УЧЕсть ОПЫТ ШКОЛЫ

Меня, как, наверное, и большинство родителей, не удовлетворяет раздельное воспитание и обучение детей в школах.

Я выросла в условиях советской действительности. Училась в замечательной школе вместе с мальчиками, и это было очень хорошо. С ранних лет девочки и мальчики росли, как равные товарищи, оказывая друг на друга хорошее влияние.

Раздельное обучение в школах разделило детей, отделило их друг от друга. Вместе с тем раздельное обучение не улучшает, а ухудшает дисциплину в школах.

У советской школы накопили замечательный многолетний опыт совместного обучения мальчиков и девочек, который нельзя сбрасывать со счетов. Скорее надо восстанавливать повсюду систему совместного обучения.

Л. ШЕВЧЕНКО, член Верховного суда УССР КИЕВ

Творцы телеграфа

Телеграф — «машина-дальновидец» — создан в первой половине прошлого столетия гением русских ученых. Это бесмертное их творение, подобно многим другим великим изобретениям наших соотечественников, было украдено зарубежными проходимцами.

Недавно Государственное издательство литературы по вопросам связи и радио выпустило книгу инженера Ф. Вейткова «Рассказ о творцах телеграфа». Автор в популярно-лекционной форме воспроизводит подлинную летопись изобретений член-корреспондента Российской академии наук Павла Львовича Шиллинга и академика Бориса Семеновича Якоби.

Русский дипломат и ученый-ориенталист П. Л. Шиллинг, находясь в длительных служебных поездках по Китаю и другим странам Востока, не раз мечтал о «дальновидящей машине», способной в мгновение ока передать «за тридевять земель» безотлагательно сообщение. Упорный многолетний труд привел к блестящему успеху. В середине 1832 года Павел Львович уже демонстрировал в Петербурге первый в мире электромагнитный телеграф и телеграфную азбуку.

Слух о необычайной новинке достиг императорского двора. Николай I ознакомился с изобретением русского ученого в его лаборатории. «Это весьма и весьма забавная штука!» — отозвался царь. Изобретатель ждал, что последует повеление о производстве телеграфных аппаратов для всей России. Но от него потребовали установить аппараты лишь в кабинете царя, в помещениях одной из фрейлин, шефа жандармов и главноуправляющего путями сообщения.

В 1835 году русский ученый с триумфом выступил на съезде естествоиспытателей Европы и показал свой совершеннейший аппарат. Президиум съезда с энтузиазмом благодарил русского гостя, автора первого в мире электромагнитного телеграфа. А в то же время английские лагутики Джон Гопнер и Вильям Кук, студенты Гейдельбергского университета, также заказали немецким мастерам физических приборов точные копии телеграфного устройства Шиллинга. Кук увез их в Лондон. Там он предложил английскому физику Чарльзу Уитстону слегка видоизменить конструкцию украденного аппарата. Весной 1837 года появился на свет «телеграф Кука и Уитстона», в основном, по сути, такой же, как у Шиллинга.

Впрочем, это была последняя кража, совершенная иностранцами у русских изобретателей телеграфа. Академик В. С. Якоби создал в 1839 году первый в мире электромагнитный пишущий аппарат, затем принципиально новую синхронно-синфазную систему передачи, в 1850 году — буквопечатающий телеграф и ряд других выдающихся изобретений. Вернер Сименс, в то время прусский артиллерийский офицер, похитил у Якоби эскизы его синхронно-синфазных телеграфных аппаратов, выдал их за свои.

В книге приведен разговор, происходивший у директора телеграфного ведомства России с американским предпринимателем Дэвидом Юзом в Париже в 1863 году.

— Я являюсь представителем той страны, которая подарила миру электрический телеграф... — начал директор.

— Пальма первенства в этом вопросе принадлежит моему соотечественнику г-ну Самуэлю Морзе, — возразил Юз.

Директор спокойно сказал: — Господин Морзе пытался иск русскому правительству за использование, якобы, его изобретения. Дипломатический представитель России в Америке разъяснил господину Морзе, что первоначальная конструкция электромагнитного телеграфа принадлежит не ему, а русскому ученому Павлу Львовичу Шиллингу и что все остальные изобретатели, в том числе и он, господин Морзе, только несколько видоизменили уже имевшееся изобретение.

Сам Юз пытался присвоить себе приоритет в изобретении буквопечатающего аппарата, хотя Якоби разработал такой аппарат на десять лет раньше.

В заключительной главе этой интересной книги автор рассказывает о новейших достижениях советских ученых, инженеров и техников в области электрической связи.

В. РЕУТ

Толмачев и другие

Жил в городе Липецке молодой товарищ Николай Толмачев; работал на механическом заводе, часы досуга посвящая фотографии. Любительские снимки товарища изредка печатала «Липецкая коммуна». Там, в редакции газеты, познакомился Николай Толмачев с цинкографическим делом, — оно ему показалось несравненным.

В самом деле, чтобы воспроизвести изображение на цинковой пластине, изготовить каланду для печати, опытный мастер священнодействует более двух часов; дульная комната заставлена копировальной, травильной аппаратурой, на полках — подосити сосудов с химикатами.

В тот год, — а это было в 1929-м, — газеты и журналы сообщили о большом событии в технике: «великий немой» заговорил. Светоточные точки на полях киноплёнки превращались в электрические импульсы, а затем — через усилитель — в звук.

Фотолюбитель заинтересовался тайной изобретения. А что если полученные из светового электронного импульса превратить не в звук, а в механическую силу? Что, если придумать такой механический граммовый станок, который будет на светлые и темные места рисунка отвечать соответственно сильными и слабыми ударами резца?

Ответ на вопрос требовал опыта, и он начался с подручными средствами. Так, в домике на окраине Липецка, зародилось изобретение, обещающее переворот в области цинкографии.

В 1934 году Толмачев уже добился на своем самодельном аппарате клипе, впервые в мире граммового не руками человека; клипе еще неясное, смутное, но поразительно точное изображение, которому принадлежат будущее.

С тех пор прошли годы труда. Вторая, третья модель «механического гравера»... И вот аппарат Толмачева изготовлен достаточно четкое изображение средних размеров за пять-семь минут — почти в двадцать раз быстрее опытейших цинкографов с их тончайшими растрами и сорока семью химикатами.

Советский «механический гравер» в 1947 году попадает на киноэкран, его показывают в «киножурнале», посвященном новостям науки и техники. Зрители видят, как крошечный световой «зайчик», ползая взад и вперед по фотографии, вызывает работу маленького стального резца, который боцено стучит по металлу, с равной силой выдвывая едва уловимые глазом частицы цинка, гравировет клипе.

Однажды «механический гравер» увидел на экране текстильщики с типичной фабрикой «Трехгорки».

— А ведь это отличная штука для граммирования рисунков!

И вот начинается новая глава в судьбе изобретения. Текстильщики рассказали Толмачева. Знакомство с аппаратом открыло им новые чудесные его свойства. Вместо дефицитного сплава он может клипировать изображение на пластмассе, вместо меди — на стали, которую можно закалить, сделать долговечной в работе. Автомат может изготовить сразу шесть-семь валов для многокрасочного рисунка на ткани. Полтора-два месяца трудится над каждым из валов опытейший гравер-художник.

Два месяца — один вал. Шесть часов — шесть валов! При этом себестоимость снижается в 250—300 раз.

Однако путь от предвидения большой экономии до получения ее на деле оказался чрезвычайно извилистым. И виноват был в этом не Толмачев, а другие.

В 1945 году Совет Министров РСФСР поручил Юзину (ныне Главноинженеру) финансировать строительство промышленного образца аппарата. Московский авиационный технологический институт —

МАТИ — по своей доброй воле принял заказ. Началось строительство четвертой модели «механического гравера». Строили около трех лет — и вдруг законсервировали почти готовый автомат...

Что же произошло?

На пути изобретателя возникла стена. По она была незримая, скрыта в тумане молчаливого игнорирования идеи Толмачева, несогласия с ним. Когда же аппарат, еще незавершенный, да, как всякая незавершенная машина, издает не лучшего качества, туман рассеялся, и обнажилось во весь рост стена упрямства рутинеров.

В МАТИ пришел новый директор тов. А. Журавлев, который отнесся к изобретению холодно. К тому же Главноинженер издал (казачик) вдруг заявил МАТИ, что изобретение неперспективно (?) для полиграфии. Финансирование работ прекратилось.

Заработали экспертные комиссии.

Руководитель научной части Научно-исследовательского института полиграфического машиностроения А. Чернышов записал в одном из актов свое особое мнение: «Считаю необходимым указать, что работы в США над фотографировальной машиной также не привели к удовлетворительному решению этого вопроса, что демонстрирует прилагаемыми мною фотографиями из «Прессе Фото Энтрверер Монселя». Июнь 1948 года».

Опираясь на «опыт» провалившихся американских конструкторов, Чернышов писал в другом акте: «Считаю, что работы над фотографировальной машиной Толмачева, как таковой, не следует». А над «указом» следует работать, Чернышов умолял.

Странно читать все это в 1950 году. Мы давно расстались с прежнемушмих перед иностранщиной «специалистами», которые кричали: «Не стройте горного комбайна, не получите, ибо его нет еще в Америке! Не стройте мощных тепловозов, шагающих экскаваторов, цельнокарной доменной, ибо с ними посправились конструкторы Европы!»

Чернышов хочет работать с оглядкой на Америку. А как же относится к этому ответственно товарищ, призванный решить судьбу изобретения? Заместитель начальника Главноинженерного тов. С. Семелов, главный инженер Главноинженерша В. Мордовина насчет Америки молчат, но изобретение опорожнивают.

Новое у нас пробивает путь сквозь все преграды. Лауреат Сталинской премии проф. Г. Лурье настаивает на завершении промышленного образца. Проф. А. Капурин восторженно отзывается об уникальной кинематике машины, созданной бывшим токарем. Проф. С. Сипинин выражает готовность помочь изобретателю.

В защиту изобретения Толмачева партийная печать выступала осенью прошлого года. И вот прошло еще полгода, а сигналы печати, видимо, обобщены, дело не сдвинулось с мертвой точки.

Несколько лучше обстоит дело с текстильным собором «механического гравера». После встречи трехгорских изобретателей с заводом «Текстильщик» совместно с научно-исследовательским институтом текстильного машиностроения были заказаны электрограммированные станки. Там противников изобретения, казалось бы, нет. Непонятно поэтому недопустима медлительность в выполнении заказа «Трехгорки».

Группа энтузиастов, работников МАТИ построила по главе с Толмачевым автомат. Нужно доработать его, поднять класс точности деталей, проверить все узлы, и дело учинается победой.

Будет у нас «механический гравер» для текстильной промышленности! Вопреки «собой мнениям» консерваторов, будет у нас «механический гравер» и для полиграфической промышленности!

уверяет Винер, рождение «мыслительных механизмов» лемингую должно обеспечить человеческий мозг. На сумму этому отожествлению человеческого мозга приходить мозг механический, «во много раз более быстрый и более точный».

Мыслят ли новые машины? — спрашивают Винера и его единомышленники. И они отвечают: да, несомненно. «Ибо что есть мышление? Это есть оценка фактов настоящего в свете опыта, накопленного в прошлом». Но если «Марк Третий» воспринимает факты, то ведь это и есть восприятие фактов. И если он сопоставляет эти факты с данными, которые хранятся в его механической памяти, то что же это, как по оценке в свете накопленного опыта? Значит, что такое человеческий мозг? Человеческий мозг напоминает... счетную машину!

Профессор Джибсон из университета Джонс Хопкинса дошел уже до такой стадии искажения, что считает возможным утверждать на страницах французского журнала «Имаж дю монд», будто «в сравнении с этими механизмами человек представляет собой вялое, медлительное и умеренно отсталое существо».

Автор, вероятно, слишком хорошо узнавал лемингу быстроевропейским французским правительством, пишет с явным удовлетворением:

«Ничто не может помешать этим работам в один прекрасный день заменить собой членов правительства в совете министров, причем их стальные и стеклянные колесики будут совершенно безошибочно и с безупречной логикой разрешать тысячи проблем, приводящих в смятение нашего министра финансов...», — говорит в том же номере «Имаж дю монд».

Слова о «Марке Третьем» и его родственниках распространяются и по Западной Европе, где информация находится, как известно, под полным контролем американских агентов. Маршалловские журналы тоже связывают с мыслительными машинами свои надежды.

Так мечтают на берегах Сенны, тайно рассуждая, должно быть, что стеклянные колесики будут обладать не только «безупречной логикой», но и безупречной «честностью», и деяя вид, что никого не беспокоит, кто именно будет пускать эти колесики в ход!

Они ждут от машин предсказаний, на какой номер надо ставить в завтрашней биржевой игре.

Другие, изверзившись в способностях и добросовестности своих руководителей, хотели бы заменить их машинами, не умеющими брать вайток и продаваться иностранцам.

Третьи в порыве фантазии предвзятый возделывают возможность, когда роботы заменят «капризных» и «опенных» пролетариев и американским пародам не надо будет таскаться от Кале до Марселя, нить порт, где можно было бы без неприятностей разгрузить несколько тысяч тонн гранит и несколько сот пудов...

Четвертые... Тут дело несколько сложнее.

Это как раз те самые, кто конструирует счетные машины, кто производит при их помощи вычисления, — инженеры, профессора, словом — интеллектуалы. Если они вступают во вторую стадию своей психологической злости, т. е. принимают фантазировать, философствовать и провозглашать, полчища весь мир своей специальностью и вил в своих творениях «опыт будущего для человечества, то эти фантазии и обобщения носят мрачный, а зачастую и паншический характер.

Казалось бы, что может быть увлекательнее тех перспектив, как открываются перед работниками науки и техники в связи с изобретением счетных и прочих «мыслящих» машин! Они должны освободить человека от «черной» умственной работы, — от всяких классификаций, подсчетов, сложных и длительных вычислений и т. д. Но во всех статьях, посвященных счетным машинам, — от рекламных и сенсационных до чисто научных и научно-технических, — никто из авторов не пишет об этих интересных перспективах! Наоборот.

Доктор Уоррен Мак-Келлод, профессор Иллинойского университета, утверждает, что «со времен кроманьонского человека (20.000 лет назад) объем человеческого мозга непрерывно уменьшается», а «по мере усложнения структуры общества отдельные люди приходится все меньше и меньше пользоваться своим мозгом». Поэтому счетные машины, освободив человека от «бремени мышления», окажутся последним звеном в длинном и медленном процессе «коллективизации интеллекта».

«Люди будут специализироваться в узкой области простого обслуживания машин. Человеческий мозг будет становиться все

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 3 СТР.

Дети разных народов

Империализм неотделим от самого жестокого и подлого подавления национального суверенитета народов. Индонезия, Южная Корея, Испания — в крови. На площадях итальянских городов стучат барабаны Шеллы. На вековых буках Америки качаются лицеванные негры. О многих злодействах расскажут греческие острова, расскажут тюрьмы Франко и застенки Южно-Африканского союза, когда народы, наконец, сбоят с них замки, захватывая окровавленными руками тюремщиков.

Советская литература и детская литература в том числе, по самой коммунистической природе своей не может пройти мимо национально-освободительной борьбы народов. Она призвана воспитывать читателя в духе советского патриотизма и, тем самым, в духе полнейшего интернационализма, любви к борющимся народам, деятельного сочувствия их правому делу. «Если в основе интернационализма», — говорил А. А. Жданов, — положено уважение к другим народам, то нельзя быть интернационалистом, не уважая и не любя своего собственного народа». Мы говорим — советский патриот и этим самым, разумеем — интернационалист. С таких позиций, единственно возможных для советского литератора, написаны три книги для детей, на которых я хочу остановиться. Это новаторские книги в том смысле, что они стоят в ряду детской литературы, — какой еще не знало человечество, — литературы, прославляющей братство народов, разоблачающей расовое изуверство, рассказывающей детям о путях к освобождению трудящихся.

Свою повесть «Память гнева» (Ленинград, 1949 г.) Э. Выгодская построила на историческом конкретном материале. В 1860 году бывший чиновник голландской колониальной администрации Деккер опубликовал книгу под красноречивым псевдонимом Музтафата, что значит «много переживший». На книгу накинута тень голландского капитализма. Ее душили цензура и клевета. Ее окутывали дымоугольной завесой молчания. Но она выжила, потому что несла в себе искру гневной правды. Этой книгой интересовался Ленин. В основу своей повести Э. Выгодская положила биографию Деккера. Этот образ удалось писательнице, несмотря на чрезмерную сдержанность стиля. Деккер был одиночкой с душой романтика, правдолюба, разбиравший свою жизнь о несокрушимые в то времена устои колониального владычества. Что он хотел, этот ранний пророк грядущих боев за независимость малайцев и яванцев? «Я научу военных напевам тех мучеников, которым обещана помощь». На островах уже звучали эти напевы. На Яве голод восстал рабы. Целобое сотрясан волнения, на Амбоние рабы восстали. Но это было стихийное движение мучеников, не вооруженных ничем, кроме ненависти и криков покаяния. Даймер-ван-Твист, генерал-губернатор, имел достаточный запас сна и дюжих голландских солдат в солдатских шлемах. Раджа Ахлихати крепко держал своих поданных в суконном, но цепком кулачке. Восстание было подавлено.

Книга Э. Выгодской рассказывает о том, как разгорелась пламя гнева. Книга будит в сознании читателя в наш день, когда это пламя разгорелось в пожар. Время круто изменилось. Ни голландские войска, ни американское оружие не в силах навести на плантациях излюбленных

колониалистами порядков. От причалов Роттердама отваливают корабли, их трупы набиты оружием и последними солдатскими резервами, которые голландский премьер еще в силах насхрестит в заюдах своей маленькой страны. Но и эти солдаты бегут с кораблей. «Мы не хотим зашивать баронок нефти и каучука!» — кричат они. «Мир между народами!» — провозглашают манифестации голландских трудящихся. На стороне яванцев, малайцев, батайцев неокружными авторитет могучей страны Советов, трудящихся всего мира и авангард их — коммунистические партии.

Все это нужно было рассказать в последствии к книге Э. Выгодской. Оно помогло бы ребятам воспринять ее содержание в свете нынешних событий. То послесловие, которое помещено сейчас, написано бесстрастным языком. Оно не дает картины того, что свершается сейчас в Индонезии. Это большой просчет издательства.

Из семидесяти годов прошлого столетия перенесено внимание на современную Америку — страну, в которой гангстеры, сенаторы и президент качаются «неуязвимым цветением» прав человека. Роман Н. Кальмы «Дети горничного яра» (Ленинград, 1950 г.) позволяет взглянуть в этот рай. Здесь речь идет не о колониях. Речь идет о жизни маленького городка Стоун-Пойнта, каких в Америке сотни. Но, поскольку Н. Кальма касается жизни негров в этом городке, то речь идет все-таки о самой колониальной колонии внутри страны. Негры в Америке терпят те же бедствия, что и цветная рабыня Аймак, что и цветной раб Ардай на Индонезийском архипелаге. Раджа Ахлихати пребывает в отравленном страдании и ядовитым ядом, чтобы смести с дороги врагов своей деспотии. Большой Босс из современного Стоун-Пойнта действует с той же жестокостью, но более усовершенствованными методами. К услугам Босса все: закупленные им газеты, банда полнейших и сыщиков, собственная агентура и на заводе и в школе.

Два героя проходят через книгу Н. Кальмы, привлекая самые горячие симпатии юного читателя: знаменитый негритянский певец Джим Робинсон и его племянник Чарли, порывистый и смелый мальчик с высоко развитым чувством чести. В классе, где Чарли учится, школьники избирают его своим старостой. Этого достаточно, чтобы возопиить весь город. Негру нужно указать его место. «Партия» Фейни, директорского сына, применяет все запрещенные удары, все полные премы, замостывание у взрослых. Приезд Робинсона, активного деятеля борьбы за мир, выдвигает в Стоун-Пойнте новые гейзеры расовой истерии. Полиция нападает на Робинсона во время концерта. Затевается процесс. Робинсона, Чарли и их бывших друзей-рабочих обвиняют в красной пропаганде, в преступных связях с Москвой.

Нетрудно догадаться, что прообразом Робинсона послужил автору Поль Робсон и его музественная жизнь. Внимательное и творческое изучение материала позволило Н. Кальме написать произведение увлекательное и правдивое. Книга была уже написана, когда разразилось позорное пописание в Индианаполисе. Книга была уже написана, когда губернатор штата Нью-Йорк Дьюк прорычал на весь мир: негры и слушатели концерта сознательно-де спровоцировали нападение на себя, а гробы попали в подстроившую коммуниста-

НЕОБЪЯСНИМАЯ ЗАБЫВЧИВОСТЬ

29 апреля 1950 года в газете «Советское искусство» была напечатана большая статья «Произведение жизненной правды», посвященная крупной и радостному событию: постановке Ленинградским Малым оперным театром новой советской оперы «Молодая гармония». Справедливо возвал должное композитору Ю. Мейтусу, автор статьи И. Попов восклицает:

«В самом деле, с чего начинать разговор этого спектакля? С музыки? Но как же можно писать о музыке Мейтуса, не сказав о том, насколько помогли раскрытию ее образов режиссура и исполнение? Сделать акцент на исполнителях?» Единственно, на ком рецензент не считает нужным «сделать акцент» на прототипах всей статьи — это на поэте Андрее Малишко, написавшем текст оперы, и на поэте Михаиле Исаковском, сделавшем перевод этого текста на русский язык. Ни А. Малишко, ни М. Исаковский в статье не были даже названы!

Литературная основа оперы, определяющая идею, сюжет, композицию произведения, имеет не подчиненное, а самостоятельное значение. Для создания полноценной советской оперы обязательно творческое сотрудничество композитора и поэта. Если же газета «Советское искусство», во всяком случае судя по статье И. Попова, не осознала этого до сих пор!

Книжка «Твои ровесники» Г. и Н. Комаровских (Ленинград, 1949 г.) содержит три повести: об английских, об американских и о корейских детях. Лучшая из них «Юг и север» — о двух мальчиках из Южной Кореи, которые бегут на север, в страну, где крестьяне получили землю, где легко дышит трубочному человеку. Через воспитание этих двух маленьких смельчаков авторы хотят показать стремление корейского народа к национальной независимости, партизанскую борьбу, неизбежную в народе авторитет Ким Ир-сена. Сцена встречи мальчика Кай-су с советским офицером Николаевым проникнута духом интернациональной солидарности. Но повести Г. и Н. Комаровских нехватает широкого исторического фона, художественной строгости — качества, в той или иной мере присущих «Памяти гнева» и «Детям горничного яра».

Создание книг, рассказывающих нашим ребятам об освободительной борьбе народов, имеет огромное значение. Читая эти книги, советские дети как бы пожимают руки своим друзьям Чарли и Мери из «Детей горничного яра», Дакотти и Раяту из «Памяти гнева», Тади Нафсу и Кай-су из «Твоих ровесников».

«Боритесь за право на жизнь, здоровье, обучение и демократическое воспитание для всех детей мира!» — говорится в призыве демократических организаций о проведении 1 июня Международного детского дня. Долг советских писателей, пишущих для детей, состоит в том, чтобы их вклад в эту борьбу день от дня становился все значительнее. Больше ярлык, вдохновенных книг, способных зажечь в детских сердцах любовь к пока еще поработанному, но восстающим народам, книг, призванных воспитывать в ребятах великую интернациональную дружбу! Пока что таких книг чрезвычайно мало.

ТОВАРИЩ МИНИСТР, ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ!

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Если бы министр просвещения РСФСР И. А. Капоров и начальники Главполитпросвета СССР Л. П. Грачев приехали сегодня в Ленинград, в типографию «Печатный двор» имени А. М. Горького, они с трудом пробрались бы через бумажные горы, заромжающие проходы в неми. Десятки миллионов отпечатанных листов заполняют все склады типографии, все производственные помещения, даже гараж! Шпы отпечатанной бумаги — будущие школьные учебники — лежат без движения. Пока это — неопечатанная до сих пор половина страниц — Учитель не прислал бумагу. Другое уже закончено, но не могут поступить в переплетный цех: Учитель не снабдил типографию картоном и колесоформ...

В типографии «Печатный двор» делается значительная часть книг Учитель. В этом году здесь должно быть выпущено 23 школьных учебника, общий тираж которых — 18,425 тысяч экземпляров (на 4 миллиона больше, чем в прошлом году), а листов — 292 миллиона листов-оттисков. Коллектив типографии обязался дать школьникам эти учебники досрочно — не к началу учебного года, как предусмотрено планом, а на 15 дней раньше.

Однако Учитель, не обеспечив свой заказ бумагой и переплетными материалами, не только мешает типографским работникам — работам и инженерам — выполнить взятые ими социалистическое обязательство, но и вообще ставит под угрозу сроки своевременного выхода учебников в 1950 году.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА СВЕРДЛОВСК. (Наш корр.). В 1952 году исполняется сто лет со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка. Свердловского областного государственного издательства предпринято в связи с этим издание собрания его сочинений в 12 томах.

Вышли первые семь томов, в которые включены: романы — «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Золото», «Дикое счастье», «Три коня», «Именинники»; повести, очерки, рассказы — «В худых душах», «На рубеже Азии», «Старатели», «Бойцы», «Золотуха», «Охотники бровей», «Весенние грозы»; драматические произведения «Золотопромышленники».

Не успевая обогнать по «вниманию» к писателям и областная газета «Рабочий край» (ответ редактор тов. Кулагин) и областное издательство (директор тов. Горбунов).

Вот несколько примеров. «Существуют в городе Иваново «литературные среды» — творческие совещания писателей, где впервые обсуждаются не свои капризы, страсти и неприятные недостатки». Чего доброго, даже и опасные мысли...

«Моя машина тоже имеет свои странности и привычки», — поддерживает Венера инженер Роберт Сибир, — например, она «очень не любит просыпаться по утрам. Люди, обслуживающие машину, пускают ток, трубки загораются и достигают нужной степени нагрева, и тем не менее машина все еще не может проснуться. Отупевшая от сна, она не в состоянии решить поставленную перед ней задачу. Выключают красные лампы, сигнализируя о том, что машина совершила ошибку. Терпеливые люди снова повторяют задачу. На этот раз мысли машины несколько проясняются».

«Одна из маневренных автоматических телефонных станций завода от усталости», — вступает в разговор доктор Шенон из лаборатории «Белл». — Толпы инженеров не могли обнаружить никаких признаков негодности. Она же просто переутомилась, ей дали отдых... Предоставим американцам самим разбираться, что должен воспользоваться помощью невропатологов и психиатров... «Марк Третий», профессор Вивер, последователь Форрестала или же летучковенный читатель, готовые прийти за чистую монету все то вранье, каким их утомляет ежедневная пресса. Для нас в этом процессе важно другое: мы являемся в нем не гигантские масштабы, в каких ведется сейчас в США кампания по массовому обезумению простых людей. Как можно больше дезинформации, как можно больше ложных данных, псевдонаучного вздора, лживых сенсаций, одна страшнее и нелепее другой! Обманывать — так это единственная «научный» способ подготовки глупого человека...

«Чьи расстройств? Для чего лечение?» — негодующе спрашивает господина в фуражке военного ведомства. — Например, ложные воспоминания, — продолжает профессор, пожимая и приоткрывая. — Они распространяются точно так же образом, как страхи и навязчивые мысли в сознании психически больного человека... «Кем овладели ложные воспоминания?» — допытываются форменные фуражки. — Мыслящей машиной-с, — шепчет профессор, сам удивляясь собственной смелости. — Искусственный мозг уже должен обращаться за помощью к психиатру. «Машины человечались. У них появились

Как партийная организация ЦСР Латвии решила „закрыть“ критику

В послевоенный период наша республика с помощью братских союзных республик и в первую очередь великого русского народа достигла крупных успехов в промышленности. Мы уже начинаем забывать недавнее прошлое, когда досоветская Латвия была отсталой аграрной страной. Коренные изменения произошли и в сельском хозяйстве — в 1949 году в основном завершена сплошная коллективизация. Подъем хозяйства сопровождается ростом социалистической культуры.

Большевики республики не успокаиваются на достигнутых успехах. Острым оружием критики и самокритики они стараются вскрыть и преодолеть имеющиеся недостатки.

Крупные недостатки есть и в работе Союза советских писателей Латвии. Однако партийная организация союза не пошла в ногу со всеми большевиками республики, проявила антипартийные отношения к критике.

Когда в газете «Советская Латвия» и в «Литературной газете» появились всемирные критические заметки по поводу собрания писателей республики, обсуждавшего итоги XIII пленума правления Союза советских писателей СССР, партийная организация Союза писателей Латвии решила вмешаться в это дело. Вместо того чтобы прислушаться к голосу критики, сделать из нее выводы и устранить вскрытые недостатки, партийное собрание встало на путь зажима критики и замалчивания серьезных недостатков в деятельности союза. Оно учинило настоящий суд над корреспондентом «Литературной газеты», с пристрастием допрашивало его, откуда он получил информацию, и вынесло грозный «приговор» — потребовать отъезда корреспондента из республики.

Писатели города Иванова не могут познакомиться на отсутствие внимания к себе со стороны областных организаций. Только в очень узком кругу и непервичных формах проявляют это внимание. Как-то однажды вечером, во время творческой встречи писателей, нежданно-негаданно к ним пожаловали гости.

«А ну-ка скорей, не задерживайте!» — грубо донеслось с порога. — По постановлению жильцов горсовета в этой комнате будет работать бухгалтерия коммунального банка, а писателей решено переселить в подвал. Представителям горсовета пытались объяснить, что писатели сейчас творчески творят, что произошло, повидимому, какое-то недоразумение, что утром во всем разберутся, все выяснят. Но все было напрасно. Представители горсовета были неумолимы.

Началось переселение. Молча, молдонно спускался по темной лестнице старый, заслуженный поэт Благов, крепко прижимая обемки руками к груди гипсовый бюст Пушкина. За Благовым шли писатели Кочнев, нагруженный возможными папками и рукописями, писатель Шошжа с книгами и журналами.

В подвале, рядом с загоровеной и напролом гортола, писательской организации города Иванова была отведена маленькая темная и сырая комната, в которую с трудом можно было втиснуть два стола и шкафы.

В крайне тяжелых жилищных условиях живут ивановские писатели. Поэт Жуков, например, живет в сыром подвале. Жмыон он вынужден ковытеть от одного своего знакомого к другому. Всеми уважаемый шестидесятилетний поэт Благов живет в семи километрах от центра города. Однако за 12 лет, с 1938 года, Ивановский облисполком не выделил для Союза писателей ни одного метра жилищной площади.

Не успевая обогнать по «вниманию» к писателям и областная газета «Рабочий край» (ответ редактор тов. Кулагин) и областное издательство (директор тов. Горбунов).

Вот несколько примеров. «Существуют в городе Иваново «литературные среды» — творческие совещания писателей, где впервые обсуждаются не свои капризы, страсти и неприятные недостатки». Чего доброго, даже и опасные мысли...

ПО ЗАКАЗУ СЕЛЬСКОГО ЧИТАТЕЛЯ

НОВОСИБИРСК. (Наш корр.). Перед тем как закупить новые книги, библиотекари Верхние Чемы составляют обычно список читательских заявок. Такая практика существует уже полтора года, с того самого дня, как областная библиотека открыла здесь свой филиал.

Колхоз «Красный партизан», что в деревне Верхние Чемы, славится на всю область своими высокими урожаями. Шестеро членов сельхозартели удостоены звания Героя Социалистического Труда, сорок пять человек награждены орденами и медалями. В деревне нет, пожалуй, колхозника и колхозницы, которые не посещали бы в течение нескольких зим агрономических лекций, кружков, семинаров. И не случайно поэтому, что из трех тысяч томов, имеющихся в библиотеке, шестьсот пятьдесят посвящены проблемам сельского хозяйства.

Но еще более знаменательное явление на полках библиотеки огромное количество научных и технических книг. Это — труды по естествознанию, химии, физике, географии, медицине, технические пособия по инженерному делу, технические справочники и словари, учебники на английском, немецком и французском языках.

Каждая из этих книг имеет своего читателя. Колхозник Берляков — постоянный заказчик книг по электротехнике; колхозница Рабичкова — по птицеводству; 65-летний столяр Анпилов выписал через библиотеку книгу «Народная резьба по дереву» и «Отделка мебели». Труды Мичурина, Докучаева, Вильямса, Лысенко имеют десятки читателей среди колхозников.

«В будущей войне», — успокаивает доктор, — работы заменят пехотинцев так же, как танк заменил коня в первой мировой войне». (Как это напоминает профессора Вивера с его «теорией», будто создание стетных машин обеспечивает человеческий мозг, как создание обычных машин обеспечивает человеческую руку, — тут столько же логики и столько же глупости).

«В будущей войне», — успокаивает доктор, — работы заменят пехотинцев так же, как танк заменил коня в первой мировой войне». (Как это напоминает профессора Вивера с его «теорией», будто создание стетных машин обеспечивает человеческий мозг, как создание обычных машин обеспечивает человеческую руку, — тут столько же логики и столько же глупости).

Вот как метафорично доктор рисует идеальную картину ближайшего будущего: «Стрелять из орудий, управлять кораблями, летать на самолетах, посылая донесения и принимать приказы по радио будет вместо солдат «рабочий робот» с искусственным слухом, зрением, органами обоняния, осязания и искусственной способностью принимать решения...»

«Ученые уже знают, как делать таких искусственных людей, и дело лишь за инженерами, которые должны построй их... Такие солдаты будут оставаться каздно-красными и сосредоточенными под тяжелым артиллерийским обстрелом...» — охотничьи размышления, гремит доктор Солдатов, а вместе с ним его хозяева из Пенаталона и все летчиковые американские «мальчики» призывного возраста.

И тут совершенно неожиданно и вовсе несогласованно вновь возникает голос профессора Вивера. Окутанный густым дымом сигары и облаком слезоточивого газа математик, профессор схидно бросает несколько намеков, вызывающих дрожь у преемников Форрестала.

«В широком «биологическом» смысле мыслящие машины дают ряд оснований для пессимизма и беспокойства». Характерные психические расстройства требуют и специальных методов лечения, утверждает профессор Вивер.

«В будущей войне», — успокаивает доктор, — работы заменят пехотинцев так же, как танк заменил коня в первой мировой войне». (Как это напоминает профессора Вивера с его «теорией», будто создание стетных машин обеспечивает человеческий мозг, как создание обычных машин обеспечивает человеческую руку, — тут столько же логики и столько же глупости).

Вот как метафорично доктор рисует идеальную картину ближайшего будущего: «Стрелять из орудий, управлять кораблями, летать на самолетах, посылая донесения и принимать приказы по радио будет вместо солдат «рабочий робот» с искусственным слухом, зрением, органами обоняния, осязания и искусственной способностью принимать решения...»

«Ученые уже знают, как делать таких искусственных людей, и дело лишь за инженерами, которые должны построй их... Такие солдаты будут оставаться каздно-красными и сосредоточенными под тяжелым артиллерийским обстрелом...» — охотничьи размышления, гремит доктор Солдатов, а вместе с ним его хозяева из Пенаталона и все летчиковые американские «мальчики» призывного возраста.

И тут совершенно неожиданно и вовсе несогласованно вновь возникает голос профессора Вивера. Окутанный густым дымом сигары и облаком слезоточивого газа математик, профессор схидно бросает несколько намеков, вызывающих дрожь у преемников Форрестала.

«В широком «биологическом» смысле мыслящие машины дают ряд оснований для пессимизма и беспокойства». Характерные психические расстройства требуют и специальных методов лечения, утверждает профессор Вивер.

СТУДИЯ АРМЯНСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ В МОСКВЕ

Около двух лет в Москве при Доме культуры Армянской ССР работает творческая студия молодых армянских писателей. Студия тесно связана с Литературным институтом имени А. М. Горького.

Молодые писатели Армении прослушали курсы лекций по марксизму-ленинизму, политической экономии, этикетике, истории русского изобразительного искусства, музыки, театра, курс истории западноевропейской литературы и литературы стран народной демократии. Особое внимание уделяется истории русской классической и советской литературы и русскому языку.

Параллельно с занятиями слушатели студии посещают московские музеи, театры, учебные заведения, промышленные предприятия столицы. Минувшим летом слушатели студии ездили в творческие командировки в различные города Советского Союза.

«В будущей войне», — успокаивает доктор, — работы заменят пехотинцев так же, как танк заменил коня в первой мировой войне». (Как это напоминает профессора Вивера с его «теорией», будто создание стетных машин обеспечивает человеческий мозг, как создание обычных машин обеспечивает человеческую руку, — тут столько же логики и столько же глупости).

Вот как метафорично доктор рисует идеальную картину ближайшего будущего: «Стрелять из орудий, управлять кораблями, летать на самолетах, посылая донесения и принимать приказы по радио будет вместо солдат «рабочий робот» с искусственным слухом, зрением, органами обоняния, осязания и искусственной способностью принимать решения...»

«Ученые уже знают, как делать таких искусственных людей, и дело лишь за инженерами, которые должны построй их... Такие солдаты будут оставаться каздно-красными и сосредоточенными под тяжелым артиллерийским обстрелом...» — охотничьи размышления, гремит доктор Солдатов, а вместе с ним его хозяева из Пенаталона и все летчиковые американские «мальчики» призывного возраста.

И тут совершенно неожиданно и вовсе несогласованно вновь возникает голос профессора Вивера. Окутанный густым дымом сигары и облаком слезоточивого газа математик, профессор схидно бросает несколько намеков, вызывающих дрожь у преемников Форрестала.

«В широком «биологическом» смысле мыслящие машины дают ряд оснований для пессимизма и беспокойства». Характерные психические расстройства требуют и специальных методов лечения, утверждает профессор Вивер.

БИБЛИОТЕЧКА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

Союз советских писателей Узбекистана выпустил библиотечку произведений узбекских и русских писателей на их родных языках. 34 книжки этой серии — по внешнему виду они напоминают библиотечку «Огонек» — знакомят широкого читателя с творчеством писателей республики, работающих в самых различных жанрах. Опыт Союза писателей Узбекистана заслуживает того, чтобы быть перенятым другими нашими братскими республиками.

Книжки, вошедшие в библиотечку, рассказывают о героических буднях узбекского народа. Хлопотаром посвящена поэма Мирмухсина «Дочь Родины», сборник стихов Х. Гуляма «Мои песни», очерки Н. Сафарова, А. Удалова, Ал. Шмакова и др. Об освоении пустыни, расширении хлопковых полей говорят в своих стихотворениях сборники Уйгун (стихи), С. Сомова («На полях Миршачуля»), А. Иванова («Миршачульская весна»).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Америка, которую я знаю

Уолл-стрит полностью контролирует правоохранительную печать маршаллизированных стран. (Из газет)

II. Когда же, наконец, наступит время и сто семейств, обитающих в доме № 43-30 по 46-й улице в Нью-Йоркском районе Саннисайд, скажут шестидесяти семействам, присвоившим себе всю Америку: «Убирайтесь вон!» Когда же, наконец, народ Америки крикнет «стой!» торговцам войной, обосновавшимся на Уолл-стрите и в Вашингтоне? На этот вопрос отвечать не мне; ответит будущее. Но зато я могу рассказать, как даже сейчас и даже в атаках дома № 43-30 обе стороны уже приступают к подготовке позиций для той грядущей схватки, в которой будет разрешен этот вопрос.

На столике подле дивана лежит газета — еженедельник одного консервативного профсоюза. Почтальон оставил газету на виду, чтобы подписчик увидел и забрал ее. Но вот, несколько минут спустя, я снова прохожу мимо столика и вижу газету израненной в ключья. Я знаю, точнее, догадываюсь, кто сделал это.

Есть в доме несколько жильцов, столь злобно реакционных, что для них невинна такая же, как и для них организация рабочего класса. То ли под влиянием католической церкви, то ли под воздействием прессы они потеряли рассудок. Даже самый консервативный и реакционный профсоюз, лидирующий в рядах застрельщиков антикоммунистической свистопляски, кажется им «крайним».

Они не ограничиваются уничтожением газет, но идут гораздо дальше: я сам видел частные письма, которые, несомненно, были вскрыты этими добродетельными агентами Федерального бюро расследований. У них встречались подержанные самые опасные шаги, предпринятые в течение прошлого года в Вашингтоне, в столицах штатов, в городах, подобных Нью-Йорку, и направленные к фашизации страны и к развязыванию новой войны.

Таков один из лагерей. Однако подобные потенциально шпионские ФБР и штурмовики американского фашизма составляют незначительное, замкнутое меньшинство.

Большинство американцев, встречаешь и беседуя, неодобрительно относятся к тому, как идут дела в Вашингтоне. Они не склонны анализировать, они не пытаются сопоставлять доктрину Трумана и «План Маршалла» с собственными тревогами, но тем не менее они пришли к весьма твердому убеждению, что действия правительства направлены к тому, чтобы увеличивать богатство богатого и ищут бедного.

И в беседах слышится порою голос, свидетельствующий о понимании реальных опасностей, угрожающих сегодня американцу. Эти голоса принадлежат, например, тем, кто зашел несколько дней назад так далеко, что даже решился поставить свою подпись под протестом, осуждающим законопроект Мундта, — последнее слово в потоке законов и законопроектов, объявляющих коммунизму «вне закона» и узаконивающих «защиту на учет» всех лиц в организациях, оппозиционных по отношению к вдохновителям «холодной войны». Они подписали протест, ибо поняли, наконец, что подобные меры направлены не столько против коммунистов, сколько против каждого американца: правительство добивается, чтобы никто не смея возражать ни против атомной бомбы, ни против собственной безработицы.

Долгое время, вот уже несколько лет, меня занимал вопрос: как пробудить в сознании масс понимание страшной опасности и умение выбрать единственно правильный путь? Я задавал себе этот вопрос, видя, как за стенами дома № 43-30 множатся признаки торопливости врага, его стремления захватить позиции и обеспечить базы для наступления в момент острого социального конфликта. Враг — Уолл-стрит — намерен нанести свой удар прежде, чем рабочий класс и народные массы в целом сумеют надежно сплотиться.

Продолжение. Начало см. № 34

Именно к этому направлению сегодня все вражеские усилия. И именно этим объясняется шумиха антикоммунистического похода, предпринятого монополистами.

Страх перед американским народом и стремление нанести удар по существующим или зарождающимся организационным силам американского народа — вот истинные причины этого похода. Эти причины породили и процесс одиннадцати руководителей компартии, и дело десяти прогрессивных деятелей Голливуда, и преследования тех организаций и лиц, которые отказались отделиться от дружбы с Советским Союзом, и законопроекты, подобные предложению Мундта, представленные на рассмотрение конгресса Соединенных Штатов в последнее время.

Все эти злобные, панические, карательные меры, вызывающие в памяти представление о газовых камерах фашизма, в сочетании с военной истерией газетных передовиц создают такую атмосферу, какую ни один советский гражданин не в состоянии даже представить. Советские газеты беспристрастно и точно излагают факты американской жизни, но нужно самому вариться в этой жизни часами, днями, годами, чтобы постигнуть все то, что происходит теперь в Америке.

Так, например, большую часть минувшего года я провел, посещая «процесс одиннадцати» и читая официальный стенографический отчет об этом процессе, насчитывающий 21.000 страниц. Каждый божий день, выходя из зала заседаний, я поражаюсь масштабами фальсификации, которую неизменно находил в газетных отчетах, посвященных событиям того же дня. Отчеты составлялись репортерами, сидевшими в одном со мной зале и видевшими не больше и не меньше, чем видел я, и все же они расписывали с самыми обстоятельными подробностями множество событий, которые вовсе не происходили в этом зале! Они расписывали вещи, которые не случались нигде и никогда!

И помню день, когда негра-коммуниста Бенджамин Дависа, бывшего члена Нью-Йоркского муниципалитета, вызвали в суд как свидетеля. Судья Медина выбиравался из сил, стараясь спровоцировать его на любое заявление или действие, за которое Дависа можно было бы обвинить в оскорблении суда и бросить в тюрьму. Однако Давис сидел невозмутимо, разглагольствуя публике. Но вот адвокат Дависа задает вопрос: какую присягу принесли они, принимая на себя обязанности Нью-Йоркского муниципального советника? Сперва, по требованию обвинения, судья запретил Давису отвечать на этот вопрос. Затем, посоветовавшись, Медина сказал:

— Если вы просто хотите показать, что он клался соблюдать конституцию Соединенных Штатов, — пусть говорит.

Тогда Давис дословно повторил присягу, которая обязывала его соблюдать конституцию Соединенных Штатов и штата Нью-Йорк, а также быть честным по отношению к своим избирателям. Присягнув, Давис занял около тридцати секунд. И вдруг Медина разразился яростной тирадой. Он обвинил Дависа и его адвоката в том, что они умышленно нарушили его показания. Он кричал, что Давис был предупрежден о запрете повторять присягу, что это типичный пример плохого поведения всех обвиняемых и их защитников и что пусть Давис будет осторожнее, не то он очутится в тюрьме.

Быть может, Медина хотел сказать, что Давису разрешено было напомнить о том, что он присягнул поддерживать конституцию Соединенных Штатов, но строго-настрого запрещалось произносить опасные слова относительно штата и города Нью-Йорка? Во всяком случае, никто из присутствующих в зале суда так и не подал, чем именно была вызвана эта тирада. Адвокат Дависа спокойно, усталым голосом сказал:

— Неужели вы полагаете, вша часть, что этот инцидент сам по себе достаточен для такого предупреждения?

Вот и все, что там произошло.

Но ни один очевидец не догадался бы, что именно этот случай описан в отчетах, появившихся в газетах, которые вышли в тот же вечер и на следующее утро. По уверениям газет, в суде имел место «новый взрыв», ушпанный обвинениями и их защитниками; газеты изображали и тех и других скалдскими и головорезами, которые то и дело «вскакивали» и «наступали угрожающе» на судейскую скамью, и потому, мол, у судьи Медины не было иного выхода, и он должен был предостеречь, что дальнейшее нарушение правил повлечет заключение в тюрьму.

Не получая правильного освещения фактов, видя их лишь в кривом зеркале продажной печати, многие американцы очень восторжены. И это — одна из величайших проблем среди тех, которые должны разрешить мы, друзья мира. Американский народ может остановить отечественных поджигателей войны. Но для того, чтобы это свершилось, еще очень многое должно осознать то, что происходит в действительности. А уолл-стритовские газеты лгут своим читателям не только о том, что происходит, например, в Советском Союзе, или о том, чем занимаются Соединенные Штаты за границей; нет, они лгут даже и о том, что происходит в нашей собственной стране, в собственном городе, собственном доме.

К тому же нельзя упускать из виду, что многие американцы слишком хорошо знают, как опасно подвергать сомнению достоверность прочитанного в газете: сомневаться в правдивости отчетов о «процессе одиннадцати», осуждать статью о «холодной войне» или клеветническую пропаганду о СССР. Волна судебных преследований, по настоянию арестов граждан иностранного происхождения, устранение «спикомыслителей» из обширных областей трудовой деятельности (преподавание, государственная служба и т. п.), антикоммунистическая истерия — все это не остается без последствий. В стране восторженно открыты выступить против правительства Уолл-стрита, околупавших и окружающих себя разветвленной полицейской сетью, то, право же, они могут привести немало оправданий своему страху.

Жестокость американской полиции постоянна, широко известна и ни с чем не сравнима. Это не только мои слова: я опирался на горы достоверных свидетельств, собранных той правительственной комиссией, которую в свое время создал ультра-реакционный президент США Герберт Гувер, а возглавил юридический стол Уолл-стрита Джордж Уикершам, один из совладельцев юридической фирмы, имевшей в составе своего руководства другого реакционного президента США — покойного Уильяма Говарда Тафта. Нет ни малейших оснований полагать, что произошедшие какие-либо перемены с 1931 года, когда комиссия Уикершама составила свой обширный и обстоятельный отчет.

Суммируя заявления комиссии в книге, озаглавленной «Наша беззаконная полиция», старый полицейский репортер Эрнест Джером Голкинс говорит:

«Беззаконие в деле засаждения закона столь постоянно, что может быть по праву названо истинно американским явлением. Факты, в конечном счете, таковы: нам только кажется, что мы живем под защитой того уголовного кодекса, который преподается каждому школьнику и излагается в конституции... То самые являющиеся, которыми конституция гарантирует защиту от насилия, подвергаются рукоприкладству, избиванию полицейскими дубинками, растравляются бдительными законами либо после ареста, либо даже без предлога для ареста... Личность, обладающая правом на свободу, лишается этой свободы с фантастической легкостью, без притяжения аресту по ошибке или вовсе без притяжения. Арестованные беззаконно содержатся в одиночках полицейских тюрем, — то ли в наказание за вымышленные преступления, то ли под следствием, должностными установить их предполагаемую вину... Самое следствие

обычно принимает формы тайных пыток, заставляющих незаконно схваченного человека возвести на себя поклеп. Перед тем эти пытки доходят до степени полноты инвентарной изощренности».

Но и это сказано слишком мягко, как признает далее сам Голкинс.

Стоит напомнить, что недавно государственный департамент выпустил официальный документ, намереваясь «доказать», что признания американских и британских граждан, так же как и их болгарских соотечественников, фигурировавшие на процессах в Софии, были исторгнуты при помощи пыток. Не будем говорить о главном — о наглости лживости этого заявления, неверности разногогого всей американской печати. Остановимся лишь на широкоизвестном предисловии: в нем говорится, что подобное варварство немыслимо в высокоразвитой, демократической Америке. Однако еще комиссия Уикершама выявила, что все усилия американской полиции устремлены к единой цели: выявить и обвиняемого признавание. Голкинс собрал непередаваемые человеческие страдания в один абзац своей книги:

«Изучая множество процессов, происходивших между 1920 и 1930 годами (за последующие два десятилетия ничего не изменилось. — Дм. М.), комиссия Уикершама установила, что подозреваемых мучили голодом, не давали им спать в течение многих дней и ночей, заключали в темные и душные камеры; их избивали кулаками, полицейскими дубинками, резиновыми палками, телефонными книгами, ремнями, хлыстами; их били по голенам, под коленки (выскакивая самое болезненное место), хлестали по животу, по шее, по лицу, наносили удары по голове, по шее, по ногам и ссадили; отбивали почки, ударяли ногами по голенам, по туловищу и в промежность, выкручивали им руки, выкручивали и ставили половые органы; давали нюхать сасзоточивый газ, впрыскивали хлороформ; заставляли трогать труны и держать за руки убитых в моргах; женщин поднимали за волосы; известен случай, когда мужчину кляли на пол и несколько раз поднимали за половой орган. И все это происходило в современной Америке между 1920 и 1930 годами, в пятнадцатое десятилетие конституции и с намерением получить от подсудимого «добровольное» признание вины».

А теперь обычный террор, тысячекратно усиленный под предлогом защиты нации от опасностей, заставляет некоторых людей в доме № 43-30 по 46-й улице и во всех подобных домах воздерживаться от суждений о «холодной войне», о законопроекте Мундта и об атомной дипломатии Вашингтона и Уолл-стрита. Но тот же приказ — все эти чрезвычайные репрессивные меры — говорит и о другом: он изобличает страх Уолл-стрита перед общественным мнением. Только этим вызвано стремление не допустить, чтобы люди громко высказывали свои мысли о текущей политике: а вдруг они попробуют изменить эту политику и убрать тех, кто несет за нее ответственность?

В условиях жестокого террора молчание американца вовсе не является «знаком согласия». Еще меньше оснований к тому, чтобы рассматривать это молчание, как проявление активной поддержки планов «холодной войны», захватывающих стремлений, взлетевших на Уолл-стрите и Пенсильвании-авеню, или «оборонной» программой вооружений, разработанной крайним фашистским крылом сегодняшней американской реакции.

Если разбираться, — а это является темой моей заключительной статьи, — в том, как широко и всезахватывающе эти устремления, станет ясно, что позиция американского народа играет весьма существенную роль. Даже самое отсутствие энтузиазма по отношению к нынешней вашигтонской политике может оказаться важным фактором в крушении планов «отвальной» дипломатии.

Улица в Вашингтоне, где расположены правительственные учреждения.

Рис. КУРЫЛНИКОВ

ПРАВДА ПОД ЗАПРЕТОМ

СВИДЕТЕЛЬСТВО АМЕРИКАНЦА

В одном из «Бюллетеней ВОКС»...

В одном из «Бюллетеней ВОКС», издаваемых на английском языке, была помещена статья советских историков А. Панкратовой и М. Восленского, в которой они разоблачили и подвергли резкой критике новейшие американские учебники для средней и высшей школы, клеветнически осуждающие историю народов СССР. Ничего мы публиковать выдержки из двух писем Рокуэла Кента, прогрессивного деятеля и одного из самых известных художников США, откликнувшегося на эту статью советских ученых.

«Будучи американцем, я с чувством стыда и в то же время с глубоким интересом прочитал в «Бюллетене ВОКС» статью А. Панкратовой и М. Восленского «Искажение истории СССР в новейших американских учебниках истории».

И признаю справедливость уничтожающей критики наших учебников по русской истории. Но мне как американскому патриоту остается только обратиться к читателям на тот факт, что рецензируемые книги не отражают точки зрения честных американских историков.

Следует помнить о том, что в обстановке репрессий и преследований, проводимых нашими реакционными правыми кругами, преподавание правды о Советском Союзе, его истории, о целях и принципах строящегося запрещены в наших школах и колледжах. Поэтому наши учителя не выпускают правдивых учебников, а историки, в свою очередь, избегают писать правду.

По существующим сейчас у нас законам, достаточно преподавателю проявить симпатии к Советскому Союзу или к принципам социализма или даже быть связанным с людьми, разделяющими такие взгляды, чтобы он лишился места». В своем втором письме, присланном в

ответ на письмо А. Панкратовой и М. Восленского, Рокуэл Кент пишет:

«... Действительно, как вы говорите, есть две Америки: массы американского народа и противостоят им могущественные, обладающие огромным богатством меньшинства, воплощенные в Национальной ассоциации промышленников. Теоретически мы пользуемся правом неограниченной свободы слова и печати, но практически сторонники действительных интересов народа и поборники правды имеют мало возможностей использовать это право.

Положение таково, как если бы полнота и равная свобода слова была гарантирована двум людям, один из которых обладал бы даром речи, а другой был бы нем.

... Сознание нашей молодежи во все возрастающей мере отравляется реакционной пропагандой, вводимой в наше школьное преподавание. Это делает исключительно серьезным вопрос о правильной постановке воспитания нашей молодежи. Как вам, несомненно, известно, сравнительно недавно в школах одного из наших штатов изложено эволюционная теория Дарвина считалось противозаконным. В настоящее время в наших школах и во многих из наших университетов запрещено преподавание теории социальной эволюции. А в соответствии с новейшим законодательством штата Нью-Йорк все учителя, «зараженные» марксизмом, подлежат увольнению, причем даже наличие простой связи с людьми, которые «скомпрометировали» себя подобным образом, рассматривается как безусловное доказательство виновности».

Почему же он не идет домой? Юноша печально покачал головой: — Он работает, откуда у него дом? Так лежал он здесь, — рабочий и художник, — среди мраморной крошки и плит, возле недостроенного мавзолея Пакистана. Напротив мавзолея высилась крепостная стена, над которой, словно вырезанный в голубом небе, развевался белый с зеленым государственный флаг Пакистана. Это был Лахорский форт. Что сейчас в этом форт, почему около больших крепостных ворот стоят вооруженные часовые? — Там тюрьма, — ответил нам. — В тюремных камерах сидят коммунисты. Хотя в Западной Пенджабе коммунистическая партия официально не запрещена, это несколько не мешает правительству бросать коммунистов в тюрьмы в порядке «охраны общественной безопасности».

Патриоты и борцы за счастье народа, брошенные в мрачный и темный каземат Лахорского форта! Самобытный и большой художник из народа, изнемогающий от болезни и нужды, прямо на улице, в пыли, рядом с творением собственных рук! — это и есть сегодняшний Пакистан без прикрас. Кто осмелится честно и всерьез назвать такую страну свободной?

Внимание пришло

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ваший нам об образах мусульманской культуры, презрительно отмахиваясь от индусских рисунков, просто не желая ничего о них говорить. Здесь, в прохладных залах музея, под потолка которого на балках сидели большие белые голуби, мы еще раз убедились в том, какие кровавые и чудовищные плоды принесло английское господство.

Полонезу от музея помещается школа искусств. В ней за довольно высокую плату обучаются дети помещиков и капиталистов. Нам показали зал, в котором выставлены образцы их работ. Нам поразили бессознательность и полное отсутствие национального колорита во всех картинах. Мы спросили, чтобы нас провели в рисовальный класс. Два джентльмена, посветившие светом своей, все-таки решили показать нам своих воспитанников. Нам ввели в большую комнату. У стен стояли белые керамические мальчики и сырсыывавшие какие-то картины. Перед ними в качестве «натюрморта» мы увидели альюватопестрые обложки американских иллюстрированных журналов. Такой был, оказывается, источник вдохновения воспитанников школы искусств в Лахоре! Где уж тут проявиться национальному колориту, где уж тут жать правдивого отображения жизни Пакистана!

Все это особенно бросилось в глаза после посещения мавзолея хана Джахангира, замечательного памятника национальной архитектуры XVII века. С высоты одного из его минаретов Лахор казался красивым городом: даль как бы скрывалась все его явью. За рекой заходило солнце, и красноватые блики лежали на мутных волнах реки.

Мы поехали к мавзолею великого пакистанского поэта Икбала. Мавзолеем был еще недостроен. Сделанный из красного камня, он должен быть красивым. Наше внимание привлек

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИН, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ, П. ФЕДОСЕЕВ.

Адрес редакции и издательства: 2-й Обводенский пер., 14 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — Г 6-47-41, Г 6-31-40, отделы: литературы и искусства — Г 6-43-29, внутренней жизни — Г 6-47-20, международной жизни — Г 6-43-62, науки — Г 6-39-20, информация — Г 6-44-82, писем — Г 6-38-60, корреспондентской сети — К 0-36-84, издательство — Г 6-45-45.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 6.

Б-01479.

ИЗ ДНЕВНИКА

Поездка в Пакистан

Анатолий СОФРОНОВ

Не так давно министр внутренних дел и информации Пакистана Шахбазидин, по сообщению газеты «Импоз», заявил в учредительном собрании, что в Пакистане имеются такие широкие гражданские свободы, каких нет ни в одной стране».

Нам, делегации советских писателей, побывавшей в конце 1949 г. в Пакистане по приглашению Ассоциации прогрессивных писателей, «свобода» в Пакистане представляется в несколько ином свете. Нам, к примеру, хорошо запомнилось, что эта «свободная» страна, насчитывающая около 80 миллионов жителей, в большинстве своем жестоко страдающих от голода, нищеты и политического беспорядка, не только попрежнему изливает под гнетом британского империализма, но и по воле своего правителя широко открыла сейчас ворота перед монополистами США.

Наш маршрут в Пакистан проходил через Ташкент и Кабул. Из Ташкента в Кабул мы прибыли на самолете; дальнейший путь пролегал в автомашине.

Вот мелькнули последние пограничные знаки, последние бензоколонка на афганско-пакистанской границе. Минувем нейтральную зону и въезжаем в Пакистан.

Наша машина мчится по асфальтированной дороге. Едем Хайберским проходом. Англичане изрядно потрудились над тем, чтобы превратить его в крепость. Горы, лежащие по обеим сторонам Хайбера, представляют собой как бы естественные укрепления. К самой границе Пакистана ведут сейчас бездействующая стратегическая железная дорога и шоссе.

Первый город Пакистана, в котором мы остановились, был Пешавар. Центр его — пестрый, многоэтажный, главным образом, американской. Желтый с красным бензоколонки. Окраины поражают своей чудовищной нищетой. Пейзаж в достаточной мере типичный для всех мест, где хозяйничают колонизаторы.

На рассвете, не задерживаясь, мы выехали в Лахор. Дорога до Лахора — примерно

450 километров — оказалась для нас своеобразной кингой, из которой мы, даже не зная местного языка, узнали все же много о жизни народов Пакистана.

Повсюду большое скопление воинских частей: моторизованная пехота, мотострелки, артиллеристы. Шли маневры пакистанской армии. Пакистанское правительство держит армию в состоянии боевой готовности, пытаясь силой оружия разрешить спор с Индией о Кашмире.

Военные действия сейчас прекращены, но обе армии — пакистанская и индийская — стоят на исходных рубежах, натравливаемые друг на друга англичанами, которые, кстати говоря, возглавляют и пакистанские и индийские войска.

С двух сторон, за проволочными заграждениями, мы видели военные лагеря с брезентовыми палатками. Там же стояли средние танки устаревшей конструкции, сбывшие Англай Пакистану.

На всем пути довольно густо расположены рабочие в красных чалмах. Они испривают развитую военную технику дороги. Слева от нас виднелась широкая, сполководная река. Это был Инд. Над ней проносились стаи зеленые попугаи. На деревьях сидели грифы.

Чем ближе к Лахору, тем чаще встречаются населенные пункты. Страшен вид огромного количества нищих, бродящих в голых мареве дульного, знойного воздуха. Солнце, иссушающее, облепленные мухами, сидят они немлыми семьями у дороги. И так — на протяжении всего пути от Пешавара до Лахора!

Уже было темно, когда мы въехали в этот второй по величине город Пакистана с населением в миллион триста тысяч человек. Здесь находится центр Ассоциации прогрессивных писателей Пакистана.

Нас прежде всего поразило огромное количество нищих на улицах. Дети — оборванцы, грязные, худые — ходят с протянутой рукой, вымаливая подаяние.

Ничего везу. Даже пакистанская печать сообщает о том, что, например, в городе Мультан (Западный Пенджаб) насчитывается 30 тысяч нищих. «Большинство из них», — пишет газета «Синд обсервер», — являются нищими со дня рождения».

В Лахоре немало красивых зданий, больших магазинов. Пестрая реклама, шумные и крикливые базары, по вечерам озаренные светом неоновых фонарей. Паря с этим страшным дома и кварталами, где обитают трущобы. Тысячи, десятки тысяч бездомных здесь спят прямо на камнях мостовой.

В Лахоре почти нет промышленных предприятий. Это крупный железнодорожный узел Пакистана, и потому железнодорожники среди рабочих занимают первое место.

Пакистан производит четыре пятых мировых поставок джута; но сейчас, в результате отделения от Индии, он лишен возможности перерабатывать джут ввиду отсутствия текстильной промышленности.

В то же время Индия, располагаящая большим числом текстильных фабрик, испытывает сильный недостаток в сырье, испытывает в джуте; такой один из образцов практического применения старой политики английских колонизаторов, воплощенной в девизе: «Разделяй и властвуй!».

Мы посетили Лахорскую радиостанцию. Но очень большая, с примитивным оборудованием, она занимает небольшой дом и имеет несколько студий. Сопровождавший нас рабочий радиостанции с гордою гордостью говорил о том, что все оборудование сделано в Лахоре. «Кроме микрофона», — добавил он, — микрофон сделан в Англии».

Как мы выяснили потом, не только микрофон, но и все, что производится в

Лахоре, тоже, по существу, «сделано в Англии».

С разнузданной английской пропагандой усердно состязается американская. На экранах довольно многочисленных кинотеатров Лахора демонстрируется почти исключительно глумливая американская культура. Впрочем, в одном из таких кинотеатров мы натолкнулись и на кинохоружу. На экране вполне откровенно показывалась апллоды помощи Америки голландскому Китаю и войскам Чан Кай-ши. Тут же были продемонстрированы маневры англоамериканских частей в Западной Германии, — танки, пушки, самолеты, генералы, горделиво позирующие перед киноаппаратом.

Назначение такого сорта кинопродукции разгадать нетрудно: она стремится для утешения населения в так называемых «отсталых районах» и повышения градус почтительности к распоразавшимся колонизаторам.

Полонезу от городского музея стоит на постомете пушка, которую тут называют «зам-замом». Говорят, что из нее когда-то здесь стреляли по англичанам. Об этом знают многие пакистанцы. Они нередко подходят к этой пушке, смотрят на нее и затем на англичан, проезжающих мимо в машинах. Сейчас пушка молчит. Ее завладела чужеземная реакционная полиция. Но кто может поручиться даже за ближайшее будущее?

И в первый день нашего пребывания, а затем и позднее мы не раз сталкивались с очень сильной религиозной резню между индусами и мусульманами.

На протяжении многих лет английские колонизаторы провоцировали вражду между мусульманами и индусами. Они же спровоцировали во время раздела Индии кровавые столкновения. Сотни тысяч людей погибли в результате резни в те страшные дни 1947 года, когда по всем дорогам Индии к Пакистану хлынули мусульмане, а из Пакистана в Индию бежали индусы, скрываясь по ночам в горах.

И вот сейчас старик-мусульманин в красной феске, словохотливо рассказы-